

Поэтические встречи

Надежда ПУЗЫРЕВСКАЯ

Опять меня тревожат тени

* * *

Мне сегодня, понимаешь, не до сна...
Снова сердце бьется гулко и тревожно.
Смотрит в окна любопытная луна,
по квартире ходит полночь осторожно.

Будоражат строчки будущих стихов,
и не надо мне от этого спасенья.
У поэтов не бывает отпусков,
у поэтов не бывает воскресений.

* * *

Придет неведомо откуда,
уйдет неведомо куда,
и долго ощущение чуда
живет в душе моей тогда.
За те счастливые мгновенья,
когда над строчками горю,
ночного гостя – вдохновенье –
благодарю, благодарю...

* * *

Уходит ночь бессонная, и снова
течет стихов послушная река.
И найдено единственное слово,
своя,

неповторимая строка...

Но вдруг откроешь незнакомый сборник –
и потеряешь прежние права,
и вздрогнет сердце от обиды горькой:
в нем те же мысли, рифмы и слова.
Как будто ночь – и та имеет уши,
и кто-то невидимкою, в тиши,
ко мне пробрался в комнату, подслушал
движенья сердца, исповедь души...
Сижу, бывало, с виноватым видом,
хотя, пожалуй, некого винить...
Я поняла позднее, что обидам
не место там, где нечего делить.
Я поняла, что неизбежно это,
что говорить вам, вслед за нами вновь,
далекого грядущего поэты,
про первый снег и первую любовь.

Надежда Борисовна Пузыревская родилась в 1947 году в городе Новосибирске в семье железнодорожников. Окончила 11 классов и с отличием топографический техникум.

Работала геодезистом в институте "Сибгипролеспром" в изыскательских партиях, в Кемеровской области, Красноярском крае, Читинской области, а с 1974 по 1979 год на строительстве БАМа.

И все эти годы писала стихи.

В 1975 году участвовала во VI Всесоюзном совещании молодых писателей в Москве. Ее первый сборник стихов «Таежные костры» вышел на БАМе.

Второй сборник стихов «Ах, романтика...» она издала уже в Новосибирске в 1986 г.

За эти годы у Надежды Пузыревской было много публикаций в газетах и журналах страны – «Дальний восток», «Сибирские Огни», «Огонек», «Смена», «Литературная Россия»... Она принимала участие во многих коллективных сборниках, издаваемых в Благовещенске, Хабаровске, Иркутске, Москве. Были престижные публикации в Альманахе «Поэзия», в издательствах «Молодая гвардия», «Художественная литература» и др.

Ее творчество набирало силу... Но в 1990 году она попадает в автомобильную катастрофу и надолго оставляет поэзию... И только в 2001 году, после смерти матери, начинает писать снова. Сегодня мы знакомим наших читателей с новыми стихами Надежды Пузыревской.

* * *

Я хлеб пекла, сортировала письма
и по тайге ходила с рюкзаком.
Полёт высокий инженерной мысли
мне не со слов товарищей знаком.
И потому сказать имею право
я в спорах с тем, кому не по нутру
поэта труд, что рассуждая здраво,
он тоже тяжкий, кропотливый труд.
А то, что с нами дружит вдохновенье –
так ведь оно не избранных удел.
Трудись не ради славы или денег,
и не найдешь без вдохновенья дел.

* * *

Мы писали стихи
у костров на коротких привалах,
в общежитиях бамовских
в стылой амурской глуши.
Мастерства настоящего
было в них, может быть, мало,
одного, несомненно,
всегда в них хватало – души.
И давно уже ясно,
что в классики нас не зачислят,
и до «избранных» наш
никогда не дотянется стих.
Нас в районных газетах
по красным печатают числам,
да поют наши песни
друзья на маршрутах своих.
Значит, строить и жить
помогают уже эти строчки,
не дадут очерстветь в испытаньях,
замкнуться душой.
И относятся пусть
в категорию чернорабочих,
но по-своему тоже
Поэзии служат большой.

* * *

Найти сравненье верное
старалась, не шутя...
Поэта книжка первая,
как первое дитя.
Ее ты держишь ласково,
как мама малыша,
и краска типографская
нескромно хороша.
И каждый листик выстрадан,
и дорог стих любой,
но все еще таинственно,
хоть создано тобой.
Ребенок – насаждение
родительских тревог...
Но разве от рождения
начало всех дорог?
Чтоб в жизнь ребенка выпустить,
растят его, любя.
А что из книжки вырастет,
зависит от тебя.

* * *

Зима уже исплакалась ручьями.
Ее последний день не омрачу
ни мимолетной радостью случайной,
ни гимном солнцу, почке и грачу.
Весне и так от песен в мире тесно,
перед зимой поэзия в долгу.
А я люблю причудливые тени
и лунный свет на призрачном снегу.
Нагих берез простое совершенство,
печальный блеск высоких ранних звезд,
короткого отчаянья блаженство
с неслышным всплеском непролитых
слез.
И эти ночи, ночи вдохновенья,
и дни за днями, полные тревог,
и чистые, как снег, стихотворенья
на перекрестке всех земных дорог...

-1-

Опять меня тревожат тени
тех, кто давно уж за чертой...
Живу в причудливом сплетеньи
сна с явью, прошлого с мечтой.
Но вечно странная кому-то,
кто от рожденья не такой,
свою нерадостную смуту
отдам ли за его покой?

-2-

Путь нелегкий со мной верша,
доведенная до предела,
онемела моя душа,
а когда-то так звонко пела...
Разучилась душа любить –
лучше б вовсе ушла из тела!
И не знаю я, как тут быть,
что мне с ней, безголосой, делать...

-3-

На гениальность я не претендую,
да и талантом, может, не блещу.
Так для чего же над строкой колдую,
зачем слова отчаянно ищю?
Неведомо мне, генами какими
дарована была такая страсть,
одно лишь знаю: навсегда покинет –
все блага мира будут мне не власть.

* * *

Ты прав: на всех не хватит доброты,
и целый мир, увы, не обогреешь.
Завидую порой, когда умеешь
невозмутимым оставаться ты.
Когда спокойно движешься вперед,
чужой бедой не связывая руки.
А мне детьми заброшенной старухи
судьба опять покоя не дает.
Но слышу я: «Не дом, а райсобес.
Должно быть, мало собственного горя.

Когда бы жить умела по-другому,
хватала б звезды, может быть, с небес».
Ах, этих звезд и мне заманчив свет,
и не стремлюсь я выглядеть святою,
но если в жизни ничего не стою,
цена какая званию – поэт?

* * *

Чтоб из слона порой не делать муху,
и суть явлений глубже понимать,
в стремлении своем к вершинам духа
нам не годится все же забывать,
что хлеб не только «золото пшеницы»,
и каравай душистый на на столе,
не сам собой он во поле родится,
на этой, потом политой земле.

Нас водила молодость...
Э. Багрицкий

* * *

Меня по свету молодость носила.
И наяву, и в половодье снов
я все искала для тебя, Россия,
и не смогла найти достойных слов.

А, может быть, совсем не нужно это –
твердить о том, как ты мне дорога?
Горят твои багряные рассветы,
летят твои слепящие снега.

Живут твои загадочные люди,
великие в простой своей судьбе.
Я расскажу о них, но это будет
и о тебе, Россия, о тебе...

* * *

Не просто слов красивое круженье
да изысканья в собственной судьбе:
ты для меня, поэзия, сражение –
за лучшее и в мире, и в себе.
И если вновь я не в ладах с собою,
и если над землей сгустилась ночь,
мой черновик пестрит, как поле боя,
в надежде тьму стихами превозмочь.
Живет во мне святая вера в Слово,
успех короткий не сведет с ума.
Нет передышки. В бой готовлюсь снова –
он бесконечен, словно жизнь сама.

* * *

Никто за язык не тянет,
перо не толкает в руку,
и можно бы мне оставить
бессонную эту муку.
С души отряхнуть обузу,
и жить для родных и близких,
навек распроставшись с музой,
обманчивой и капризной.

Насколько б все стало проще...
Но я почему-то снова
бреду в темноте наощупь
от слова к другому слову.

* * *

Мы живем просторно
и красиво,
над землею
песнями звеня.
Это все дала ты нам, Россия,
Родина любимая моя.
Ширь полей
и щебет птиц весенний,
строек
потрясающая новь...
Я из детства, пахнущего
сеном,
принесла к тебе
свою любовь.
Маминими добрыми руками
ты, страна,
меня учила жить.
Самыми
хорошими стихами
Мне б всю жизнь
тебя благодарить.

* * *

Темно-серое, плачет небо,
я с работы спешу домой.
Пахнет в воздухе мокрым снегом,
пахнет осенью и зимой.

Встретит пёс меня на крылечке,
не глаза – две больших тоски...
Затоплю я пожарче печку
да засяду писать стихи.

* * *

Может, я бы писала
значительно лучше и больше,
если б только одними стихами
на свете жила,
будь он чуть покороче, тот день,
что зовется рабочим,
да не жди меня вечером дома
другие дела.
И, пожалуй, довольнее был бы
мой строгий начальник,
если б только работой единой
на свете жила,
если б я над стихами
не тратила время ночами
и не прятала их от сотрудников
в ящик стола.
Был бы временный дом мой
уютней, чем нынче, и краше,
если б только о нем

постоянной заботой жила,
если б не были так удивительны
осени наши,
если б так необузданно
в мае сирень не цвела.
Ну, а я на свои беспокойные дни
не в обиде!
Пусть бурлят и клокочут,
как в тесном ущелье река!
Столько нужно узнать, столько сделать
и столько увидеть!
Для всего, что задумано,
целая жизнь коротка...

* * *

Оживающие травы
я безудержно люблю.
Озорной весны отраву
из ствола березы пью.
С каждым часом все дороже
позабытый человек.
А давно ли по дорожкам
до колен клубился снег.
По нему скользили лыжи,
пробирался холод в сны,
и казалось, что не выжить,
не дожидаться мне весны.

* * *

Звуки дальние замерли,
только звезды звенят.
Ты - мое наказание
и награда моя.

За дороги далекие,
за мою доброту,
за надежды нелегкие,
за большую мечту.

И за то, что не мучила,
не корила, любя.
Как печальную музыку
я любила тебя.

* * *

Погляди мне в глаза –
и поверишь ты сразу –
потемнее они,
чем беззвездные ночи.
Я колдунья
из детских таинственных сказок.
Я такого сейчас
для тебя напророчу..
Я построю дома,
о каких не мечтал ты.
Я сады посажу –
расцветет вся планета.

В корабли переплавлю
бездушные танки,
и к далеким мирам
понесутся ракеты.
Я Снегурочку вылеплю
грустному деду,
и для Золушки
лучшее платье достану.
Злого волка направлю
по ложному следу.
Только верь мне,
а я колдовать не устану.

* * *

Геннадию Пузыревскому

В мире все так спокойно и просто,
звезды даже сквозь тучи видны.
Ночь плывет над Осиновым плесом,
мирно светит фонарик луны.

Гасит в маленьких окнах деревня
запоздалых домов огоньки.
Возле печки, промокшие, дремлют
в ожиданье дорог рюкзаки.

А на нарах, намаявшись за день,
видят парни счастливые сны.
Ночь глядит голубыми глазами
из-под ветки сибирской сосны.

* * *

Ах, как верила тебе я, сердцем верила,
перед разумом бессовестно греша.
А теперь стоит любовь моя, как дерево,
опadaющими листьями шурша.
Одиноко ей, и холодно, и боязно
в этом сумрачном неласковом лесу,
где мерещатся медведи да разбойники,
и дождейки застывают на весу.
А ночами ветры северные мучают
и летит крупа белесая с небес.
Даже маленькому солнечному лучику
не пробиться сквозь туманы в этот лес.

* * *

Увидимся – в объятия не кинемся,
неловко оставаться нам вдвоем.
Приветствиями бодро перекинемся
и разоидемся – каждый при своем.
Но вдруг опять захочется вернуться,
склонить устало голову на грудь..
Как будто это просто – обернуться,
и можно юность заново вернуть...

* * *

Живете вы с серьезным, умным мужем...

С. Есенин

Виктору Метлину

В конце концов
теперь уж все равно...
Живу спокойно
с умным добрым мужем.
И ты женат,
наверное, давно,
и ты другой
сегодня очень нужен.

В конце концов
теперь уж все равно...
Люблю детей
с такой огромной силой,
и ты отец,
наверное, давно,
и так же любишь
маленького сына.

В конце концов
теперь уж все равно...
Давным-давно
твой голос я забыла,
и кажется,
что видела в кино,
как я тебя
отчаянно любила.

Но вот опять
сиреневая мгла,
и я шепчу в пространство:
«Милый, милый,
ведь я сама
любовь не сберегла...».
И тишина тревожная
над миром.

* * *

Снова дождь барабанит по крышам,
скоро осень раскрасит сады,
и опять я твой голос услышу,
как предчувствие близкой беды.

Буду я осторожной и строгой,
я руками беду разведу,
на асфальтовых ровных дорогах
я спокойное счастье найду.

Загрустит вечерами гитара,
запоет о несчастной любви,
будут слушать, склонившись устало,
бородатые парни твои...

* * *

Опять дорога без конца и края,
печаль разлуки, мимолетность встреч...
Любимый мой, я тоже понимаю,
как трудно наше счастье уберечь.
Я знаю: любишь и не ждешь награды,
и прячешь письма в старом рюкзаке,

но есть другие, есть живые – рядом,
а я осталась где-то вдалеке.
А я почти бесплотна, нереальна –
привычный сердцу, милый талисман...
Наполнен воздух изморозью ранней,
и сопки одеваются в туман.
Весь день в пути,

весь день в заботах разных.
Наступит ночь, под звездами светла,
и захлестнет тоска по женской ласке,
захочется покоя и тепла...
А на другом конце большого света,
в какой-нибудь немыслимой глуши,
мне не дает покоя до рассвета
нелепая раздвоенность души...
Когда пройдем сквозь испытанья эти,
не разлучит дорога нас с тобой,
поверю я: и впрямь живет на свете
большая, настоящая любовь.

* * *

Я привыкла с тобой расставаться...
Что поделаться? – таков уж закон:
женам - ждать, у огня оставаться,
а мужьям - уходить с рюкзаком.

Слезы горькие, бабьи не льются,
сплю спокойно, не зная тревог,
твердо верю: ты должен вернуться,
возвратиться с любой из дорог.

Но, если вдруг опять война и горе
закроют солнце, жизнь вокруг губя,
и ты уйдешь, сурово сдвинув брови,
как я тогда останусь без тебя?!

* * *

Ты попробуй, поверь –
это очень серьезно:
без тебя мне теперь
ни минуты, ни дня.
Ты пойми, что уже
отступать слишком поздно –
не смогу жить, как прежде
жила я одна.
Ни случайные встречи,
ни хорошие люди
не заменят усталых
и ласковых глаз.
Неужели за то, что
друг друга мы любим,
всем так хочется видеть
несчастливыми нас?
Мне не спится ночами:
может быть, они правы,
может стала любовь наша
долга сильнеей...
У Аленки твоей
есть законное право,
чтоб, забыв обо мне,

ты подумал о ней.
Одиночество раньше
казалось мне легким.
Так откуда же эта
щемящая боль?
Все равно не хочу,
чтобы детство Аленки
омрачила счастливая
наша любовь.

* * *

Почему, зубы сжав, терпеть
среди ласковых, но чужих?
Как мне жить без тебя теперь,
среди льстивого царства лжи?
Ты опять по тайге уйдешь,
за тобой встанет вешек ряд...
А за окнами мелкий дождь
моросит третий день подряд.
Черной кошкой ползет тоска,
подкрадется, в душе скребя.
Ты уходишь вдоль рек и скал,
не догнать, не вернуть тебя.
Было счастье, как дым сигарет,
ветер стер от него следы...
Еще долго мы видим след
от угасшей давно звезды.

* * *

Помнишь, помнишь ли ночи осенние,
табор над Терсью?
О любви между нами
не сказано было еще.
Просто мы согревались,
друг к другу прижавшись тесно,
а тепла не хватало,
вставал и к костру
с телогрейкой ты шел.
Приносил мне тепло
ты в мозолистых, грубых ладонях,
в телогрейке прожженной
осторожно носил ты тепло,
и казалась тайга мне с тобою
уютным домом,
и блаженство покоя
по усталому телу текло.
Было трудно потом,
были скверные слухи и сплетни,
ты доверье мое
первым вечером в городе стер...
От любви и от горя
я давно бы, наверно, ослепла,
если б ярким огнем
не светил мне над Терсью костер.
Почему же теперь,
когда стал ты моим по закону,
в нашем доме уютном
мне так одиноко с тобой?
На каких же дорогах,
в каких же домах незнакомых
ты растратил тепло
и навеки оставил любовь?

* * *

Что б случилось в нашем мире,
если б не было любви?
Ничего бы не случилось –
реки вспять не потекли,
не исчезли континенты,
океаны и моря,
и по-прежнему в пространстве
тихо плавала б Земля,
монотонно, равномерно
проходил за веком век...
Но остался бы, наверно,
обезьяной человек.

* * *

Легко любить вихрастого мальчишку,
гордиться первой юношеской дружбой,
с ним обсуждать прочитанные книжки...
Куда труднее, оказалось, – мужа.

Мальчишки не имеют недостатков,
они для нас прекрасны и безгрешны.
А муж бывает грустным и усталым,
и некрасивым, и не очень нежным.

Тебе давно не уступает в чем-то.
И, может, тоже думает порою:
легко любить смешливую девчонку,
куда труднее – с собственной женою...

* * *

Вот опять полны отваги,
забывая про любовь,
обнажив ироний шпаги,
мы ведем семейный бой.

И на этом поле бранном,
в поединке самолюбий
так легко наносим раны
прямо в сердце близким людям...

* * *

Маргарите Пузыревской

Живет на свете женщина одна,
и, сколько б лет не пролетело мимо,
укором вечным будет мне она,
вина моя пред ней незамолима.
Ты скажешь: «Бред, все поросло бы-
льем».
А мне сегодня тяжелее втрое –
непрочный дом разрушила ее,
а свой – прочнее – не смогла построить...

* * *

Где довелось увидеть вновь!
На сцене театра «Красный факел»
играет Ленечка Парахин –
моя девчоночья любовь.

Он так удачно входит в роль,
зал замирает в ожидании...
Моей трагедии герой,
не приходивший на свиданья.

О нем мечтала до зари,
писала письма без ответа,
но не любовью было это,
а лишь предчувствием любви...

* * *

А ведь я не твоя.
Ты совсем надо мною не властен.
Слышишь? Вольные ветры
призывно кричат над землей,
и зовут за собой,
не тая опьяняющей страсти.
Я за ними пойду.
Навсегда попрощайся со мной.
И живи, как живешь,
равнодушно, разумно, солидно,
не меняя покоя
на мой непонятный восторг.
Я одна уйду.
Мне из тесной квартиры не видно,
как огромное солнышко
лучами ласкает восток.
Я узнаю, как с первыми листьями
шепчутся травы,
как суровые кедры
ночами мечтают о свете,
и как пахнут грибами дожди,
и как люди бывают не правы –
те, которые спят на рассвете.

* * *

Я уходила и мосты сжигала,
дороги разрушала за собой...
Но по пятам плелась за мной устало
разбитая, несчастная любовь.
И ведь прошла через огонь и воду,
через обиду, горечь, злость и боль,
чтоб вырваться однажды на свободу
и снова расцвести, моя любовь.

* * *

А финиш был так недалек от старта...
И на кого же нам теперь пенять?
Мы так умели видеть недостатки,
так беспощадно их искоренять.
Обид такую заварили кашу –
не расхлебать теперь ее вдвоем.
Как трудно отвыкнуть от слова «наше»
и привыкать к забытому «мое»...

* * *

Твердят старухи: «Нынче модно
бросать детей, менять жену.
Ни о каких-таких разводах
мы не слышали в старину.
Мол, разойтись, конечно, проще,
дожить до старости сумей!»
Ну что ж, и мы стоим за прочность,
за счастье созданных семей.
Но, все равно, разводы лучше,
честнее, что ни говори,
семей, где есть благополучье,
но нету главного – любви.

* * *

В. М.

Уезжаю к кедром,
улетаю к соснам.
Буду самой первой
утром видеть солнце.

Буду слушать травы
в жаркий летний полдень,
а слова-отраву
я не буду помнить.

Постараюсь редко
вспоминать о доме.
Щек коснулись ветки,
как твои ладони...

* * *

В. М.

От проспекта третий дом направо,
три окна на третьем этаже...
От любви осталось только право
помнить то, что кончилось уже.

Серый дом захлопнул злые двери
выстрелом английского замка,
не позволив даже ждать и верить
в силу телефонного звонка.